

Топоры эпохи Средневековья и Нового времени Якутии: типология и интерпретация*

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в отсутствии специальных работ, посвященных изучению и анализу железных топоров Якутии, датируемых эпохой Средневековья и Нового времени, что объясняется прежде всего редкостью их находок в археологических памятниках.

Цель настоящей работы – обобщение и систематизация археологической, этнографической, фольклорной и лингвистической информации по железным топорам Якутии. В задачи входят рассмотрение морфологических особенностей, выделение видов и типов, поиск аналогов в сопредельных регионах, а также обзор их роли и значения в военной, хозяйственной и мифо-религиозной сферах жизни якутов.

Методами выступили обобщение, анализ, системный подход, а также сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

Результаты. Все рассматриваемые нами топоры за исключением одного топора-кельта относятся к проушным: топоры-чеканы 2-х типов и плоскообушные – 4-х типов. Шпеньковые топоры, случайно найденные на территории Центральной Якутии, имеют аналоги в культуре средневековых чжурчженей Приамурья, в материалах памятников енисейских киргизов и алтайских тюрок Тувы, Минусинской и Кузнецкой котловин. Основной тип плоскообушных топоров проявляет морфологическое сходство с топорами Приамурья и Западной Сибири, которые восходят к эпохе бронзы. Топоры-чеканы, по всей вероятности, использовались в качестве боевого оружия, а плоскообушные топоры имели универсальное (боевое и рабочее) значение, что подтверждается данными фольклора. Обнаружение топоров в родовитых погребениях с богатым сопроводительным инвентарем свидетельствует об их высоком статусе и элитном значении.

Ключевые слова: Якутия, Средневековье, Новое время, железные топоры, типология, шпеньковый топор-чекан, плоскообушный топор, топор-кельт

I. Введение. Поводом к написанию настоящей статьи явились случайные находки шпеньковых топоров-чеканов, ранее не зафиксированных на территории Якутии, что поставило задачу ввести их в научный оборот. Актуальность предлагаемого исследования определяется отсутствием специальных работ, посвященных изучению и анализу железных топоров Якутии, датируемых эпохой Средневековья и Нового времени. Это объясняется прежде всего редкостью их находок в археологических памятниках. Всего в материалах якутских погребений XVII–XVIII вв. зафиксировано 16 топоров: 13 – в грунтовых погребениях бассейнов Средней Лены, Алдана, Амги, Вилюя и Яны, 3 – в воздушных

(арангасных) захоронениях на реке Оленёк. Кроме одного «кельтеобразного» втульчатого изделия [Гоголев, 1990], все они относятся к проушным топорам. За исключением нескольких погребений [Гоголев, 1958: 74; Константинов, 1971: 106–108; Crubézy, 2004, 2013], нет подробных описаний находок. Из этнографических трудов следует отметить работы В.Л. Серошевского о якутских топорах *чохороон* [Серошевский, 1993: 381–382] и Ф.М. Зыкова с общей характеристикой рабочих топоров *сюгэ* конца XIX – начала XX вв. [Зыков, 1989: 116–117]. В словаре якутского языка Э.К. Пекарского приводится толкование разновидностей топоров [1959].

*Автор выражает благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность проведения исследований на научном оборудовании центра, приобретенном по гранту №13.ЦКП.21.0016.

Цель настоящей работы – обобщение и систематизация археологической, этнографической и фольклорной информации с привлечением лингвистических данных по железным топорам Якутии. В задачи входят рассмотрение морфологических особенностей, выделение видов и типов топоров, поиск аналогов в сопредельных регионах, а также обзор их роли и значения в военной, хозяйственной, мифо-религиозной сферах жизни якутов традиционного времени.

Теоретическая значимость исследования. Содержащиеся в статье новые материалы и научные факты представляют ценность для исследований по археологии, этнографии и истории народов Якутии, в том числе этногенетических процессов и историко-культурных взаимодействий средневекового населения Южной, Западной Сибири и Дальнего Востока. В статье приводятся данные как первичного описания материалов, их археологической классификации, типологии, хронологии, так и историко-этнографических интерпретаций. *Практическая значимость исследования* отражается в возможности использования полученных знаний при составлении полевой описи артефактов, а также описи и атрибуции музейных экспонатов.

II. Материалы и методы. Источниками для данной статьи послужили материалы археологических раскопок якутских погребений XVII–XVIII вв. и случайные находки из Амгинского,

Хангаласского улусов и г. Якутска. За основу типологии нами взята разработка А.И. Соловьева по материалам Западной Сибири, в которой качестве основных типобразующих признаков топоров выступают общие пропорции, форма обуха (шпеньковые и плоскообушные) и лезвия (узколезвийные и широколезвийные), наличие или отсутствие выступа и бородки [Соловьев, 1987: 91–97, рис. 28]. Методами выступили обобщение, анализ, системный подход, а также сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

III. Результаты. По основному типобразующему признаку – форме обуха – рассматриваемые нами проушные топоры делятся на 2 вида (группы): шпеньковые и плоскообушные.

Первый вид представлен двумя случайно найденными экземплярами топоров-чеканов, которые относятся к двум типам: высокообушный и низкообушный.

Тип 1. Чекан с высоким вытянутым обухом обнаружен в 1984 г. на склоне сопки Чочур Муран недалеко от Молотовской пади на окраине с. Кильдямцы в 4,5 км от г. Якутска. Это небольшой топорик с округлыми щековинами, с оттянутым к топоричу лезвием и высоким чеканом изогнутой формы (рис. 1, 1). Общая длина 16,2–16,4 см, высота обуха 4,9–5,2 см, ширина лезвия 5,1–5,2 см. Проушина овальной формы размером 3,5×2 см. Вес 240 г.

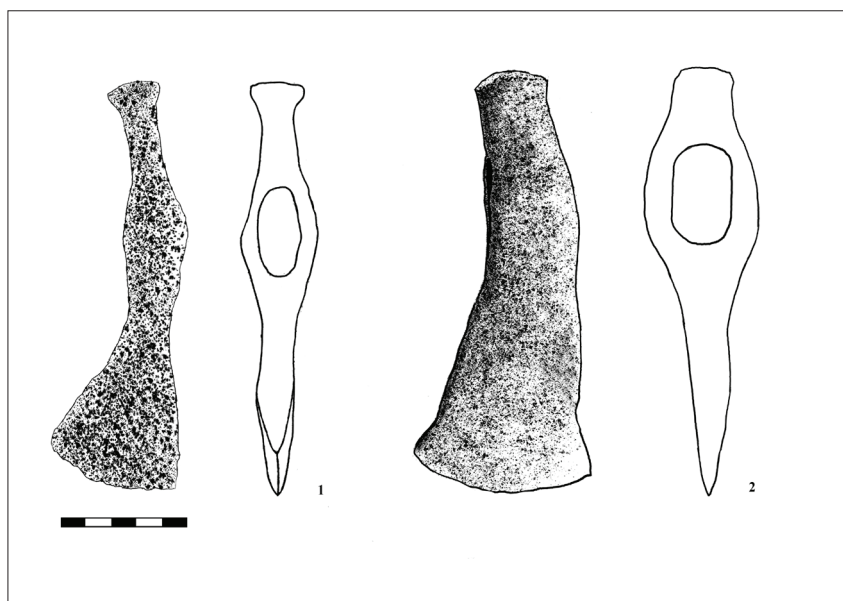

Рис. 1. Шпеньковые топоры: 1 – кильдямский; 2 – абагинский

Тип 2. Чекан с низким обухом найден в 2017 г. возле раннеякутского поселения Сасыл Етех (XIII–XIV вв.) в Абагинском наслеге Амгинского улуса. Топор имеет узкое вытянутое лезвие, слегка скошенное в сторону рукояти и расширяющееся от проуха к острию. Щековины топора округлые и утолщенные (рис. 1, 2). Длина топора от лезвия до обуха 16,6–16,7 см, ширина лезвия 7,8–7,9 см. Тыльная часть топора снабжена молоточком-обушком квадратной формы со слабовыраженной грибовидной шляпкой. Высота обушка 2,4–2,6 см, ширина 5 см. Проух прямоугольной формы с закругленными краями размером 2,6×4,6 см. Масса топора 990 г. Лезвийная часть изготовлена путем кузнечной сварки, на теле топора визуально определяется слабопрокованная линия наварки. Вероятно, при изготовлении применялась технология закрепления стального лезвия на железной основе, что позволяло получать острое и твердое лезвие при вязком теле, увеличивая тем самым прочность изделия и повышая его боевые качества. На одной стороне имеется вдавление правиль-

ной ромбической формы, похожее на клеймо. На рабочей кромке присутствуют следы применения в виде мелких сколов и зазубрин.

Второй тип – плоскобушные топоры. Все экземпляры, описание которых имеется, однотипные – кованые, клиновидные в сечении, с симметричным лезвием. Обух прямоугольный или слегка закругленный, проух треугольный или подтреугольный. Общая длина от лезвия до обуха 8,5–15 см, ширина лезвия 6,5–14 см, длина обуха 5–8 см, длина рукояти 54–71 см. Три экземпляра имеют выступы бородки *эрбэх*, что, судя по этнографическим материалам, характерно для поздних топоров русского образца.

К концу XIX в. у якутов распространение имели две разновидности плоскобушных топоров: узколезвийный *чохороон* и широколезвийный *тэрээх сюэ*. Первым кололи дрова и раскалывали бревна, а вторым рубили и тесали [Зыков, 1989: 117]. Исходя из формы лезвия, а также по наличию или отсутствию выступа и бородки проушные топоры из якутских погребений XVII–XVIII вв. можно разделить на 4 типа.

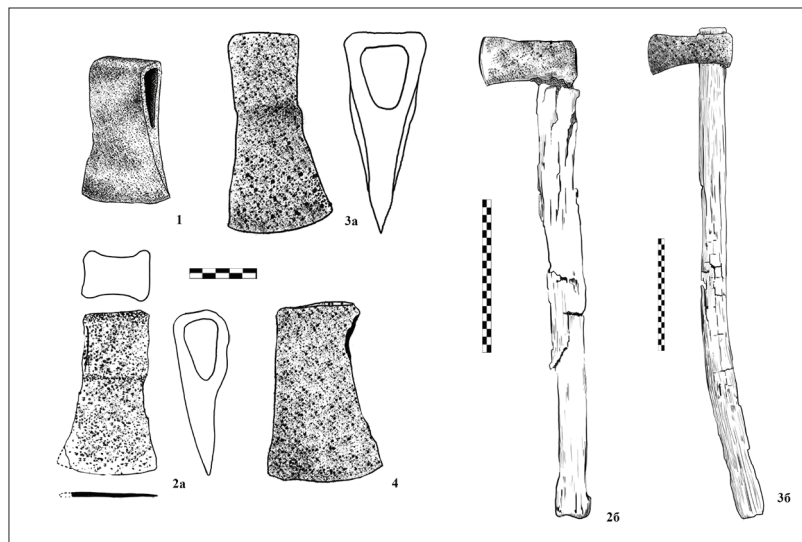

Рис. 2. Плоскобушные узколезвийные топоры из погребений:

1 – Лёглю Бёгё; 2 а, б – Атыыр Мэйиитэ 1; 3 а, б – Шаманское дерево 1; 4 – Ходуса Эбэ

Тип 1. Узколезвийные традиционные якутские топоры *чохороон*. Первый из них (рис. 2, 1) найден в погребении родоначальника бётюнгских якутов Лёглю Бёгё (Эгей Дёлю), раскопанного на левом берегу р. Амги (Бетюнский наслег, Амгинский улус). Погребение, датированное первой половиной XVII в., имеет богатый сопроводительный инвентарь. Топор был най-

ден лежащим у ног умершего. Длина от симметричного прямого лезвия до обуха 11 см, ширина лезвия 6,5 см, длина обуха 5 см [Гоголев, 1958: 74, рис. 19]. Вторым топор (рис. 2, 2а, б) из погребения Атыыр Мэйиитэ 1 (Сартанский наслег, Верхоянский улус). Длина 12 см, ширина лезвия 6,5 см. Сохранилось деревянное топориче длиной 60 см и толщиной 4 см [Crubézy,

2004: 63–64; 2013, рис. 37 Д, С]. Третий топор (рис. 2, 3а, б) найден в групповом семейном погребении Шаманское дерево 1 в местности Охтубут (Ожелунский наслег, Чурапчинский улус). Погребение датировано французскими коллегами началом XVIII в. Местность Охтубут, где были исследованы погребения с богатым сопроводительным инвентарем, в полевом отчете экспедиции МАФСО обозначена как «долина знати». Топор обнаружен под седлом. Общая его длина 15 см, ширина лезвия 7,5 см, толщина обуха 4 см. Проушина подтреугольной формы с закругленными краями. Ширина ее по верхней стороне 3 см, по нижней 1,5 см. Топор имеет слегка изогнутую в районе захвата березовую рукоять длиной 71 см с утолщением на конце [Срубézy, 2004: 65; 2013, рис. 37 А, В].

К этому типу, по всей вероятности, относятся топоры из погребений родоначальников ослёхских и мегинских якутов начала XVII в. Суор Бугдука (Батаринский наслег, Усть-Алданский улус) и Аба Уос Дьорго (Морукский наслег, Мегино-Кангаласский улус) [Гоголев, 1958: 73, рис. 13; Бравина, Попов, 2008: 223], а также из погребения Тиит Арыы на родовой территории хангаласского клана (4-й Мальжарский наслег, Кангаласский улус) [Бравина, Попов, 2008: 221]. Первый топор лежал на уровне плеч, третий – справа от костяка.

Примечательно, что все топоры найдены в погребениях с богатым сопроводительным инвентарем, куда входили лук, колчан со стрелами и древковое оружие с железным наконечником (пальма) *батыя*. Серебряная круглая пластина

туосахта на шапке, массивная медная шейная гривна, перстень-печатка, плеть, привозные вещи, обнаруженные в погребениях, свидетельствуют о высоком социальном статусе умерших.

Тип 2. По своим размерам они несколько превосходят топоры *чохороон*. Отличительной их особенностью является наличие выступа на обухе в сторону топорича. Этот тип топоров по материалам погребений представлен двумя экземплярами. Первый из них (рис. 2, 4) найден в шаманском погребении Ходуса Эбэ (Ожелунский наслег, Чурапчинский улус). В погребении, датированном первой половиной VIII в., помимо топора, находились шаманский костюм и детали бубна. Длина топора 13,5 см, ширина лезвия 8,5 см, длина обуха 6,5 см [Константинов, 1971: 41, 42, 107, табл. XV, 4]. Второго топора обнаружен в том же наслеге в местности Дьагарамма. Данное погребение местное население называет «могилой тойона». Топор находился внутри медного котла вместе с предметами верхового снаряжения коня. Все железные изделия, в т.ч. топор, судя по дымчатым налетам от закаливания в воде, были изготовлены по смерти погребенного, т.е. не были в употреблении [Там же: 40, 107].

Тип 3. Широколезвийные топоры *тэрээк сюээ* (букв. топор с широким лезвием [Пекарский, 1959: 2642]) зафиксированы в трех погребениях, датированных XVIII в. Топор из родового могильника Ампаардаах (Мегинский наслег, Мегино-Кангаласский улус) имеет следующие размеры: длина 13 см, ширина лезвия 10,7 см, длина обуха 5,7 см (рис. 3, 1). Местные жители эти погребения с монументальными деревянными

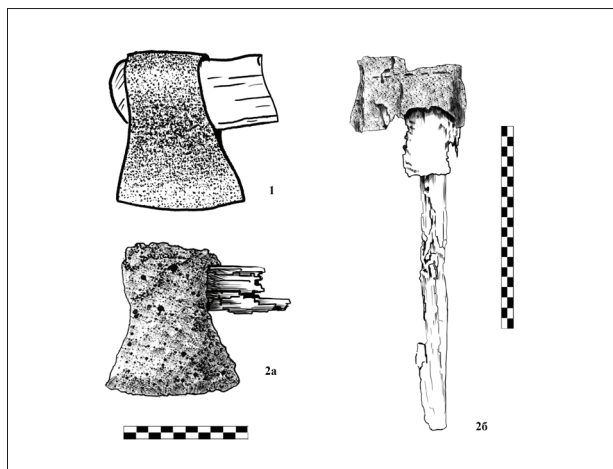

Рис. 3. Плоскообушные широколезвийные топоры из погребений:
1 – Ампаардаах; 2 а, б – Кус Чаарбыт

ми надмогильными сооружениями называют «могилами господ». Топор вместе с предметами вооружения и конского снаряжения находился в заднем отсеке гроба, предназначенного для сопроводительного инвентаря [Там же: 48, 107, табл. XXI 1]. Второй топор (рис. 3, 2 а, б) найден в погребении Кус Чаарбыт (Жулейский наслег, Таттинский улус). Длина 14 см, ширина слегка закругленного лезвия 11 см, длина обуха 4,5 см. Проушина подтреугольной формы

5×3 см. Сохранилось березовое топориче длиной 54 см. Топор вложен в кожаный чехол прямоугольной формы с клапаном с двумя кожаными шнурками [Crubézy, 2013: рис. 37 E, F].

Тип 4. Топоры с бородкой *эрбэх* (букв. большой палец), конец которой обозначен пропилом, обнаружены в двух погребениях. Якуты этот тип топора называют русским. Первый топор (рис. 4, 1) найден в арангасном захоронении, расположенном на приустьевом мысу реч-

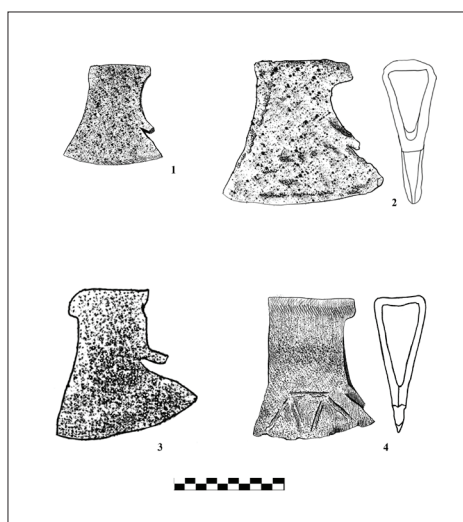

Рис. 4. Топоры с бородкой: 1 – Чурбукулаах; 2 – Булгуннях I; 3 – Мунгур Юрэх; 4 – Оргудах

ки Чурбукулаах – левого притока р. Оленек, в 190 км вверх от п. Оленек. Длина топора 9,5 см, ширина лезвия 8,5 см, длина обуха 5,5 см, проух треугольный. Длина топорича до обуха 26 см¹. Второй топор (рис. 4, 2) зафиксирован в погребении Булгуннях I на р. Виллой (Бордонский наслег, Сунтарский улус). Длина изделия 13 см, ширина слегка закругленного лезвия 14 см. Обух несколько закруглен, размеры 7,5×4,5 см. Проух треугольный, ширина верхней стороны 3,5 см. Сохранилось топориче из березы длиной 65 см, толщиной 4 см. Закругленное лезвие и присутствие пропила, по словам якутского информанта, характерны для русских топоров [Crubézy, 2004, p. 54; 2013, рис. 37G]. Аналогичной формы топор с длинной рукояткой (рис. 4, 3) найден в погребении Мунгур Юрэх (Болтогинский наслег, Чурапчинский район) между

гробом и внутримогильным срубом *тэбиэх* [Crubézy, 2004: 48].

К этому же типу относится экземпляр топора (рис. 4, 4), случайно найденный в местности Оргудах возле оз. Аргаа Кюёль (Немюгинский наслег, Хангаласский улус). По преданиям, местность входила в территорию родовых земель Дойдуса Дархана (Баджея) – деда легендарного «царя» кангаласских якутов Тыгына. В начале XX в. здесь жил известный кузнец Кёёдёён Уус². Общая длина изделия 11,5 см, длина прямоугольного обуха 7,9 см, включая длину выступа в 1 см. Проух треугольной формы 3,2×7,2 см. Полотно (тело) топора на длину 8,5 см от обуха сверху прямое, а затем, расширяясь, переходит в лезвие шириной 11 см. Топор имеет небольшую бородку, которая отделяется узким пропилом. Над лезвием нанесен зигзагообразный орнамент высотой в 3,5 см.

¹Оленекский историко-этнографический музей народов Севера. Рукописный фонд. Архипов Н.Д. Протоколы раскопок арангасов Л. 313. Шифр Ч-84-6.

²Новогицин Прокопий Романович, 1955 г. р., учитель Немюгинской средней школы Хангаласского улуса, краевед, член РГО.

И, наконец, к самостоятельной группе топоров можно отнести железный втульчатый топор-кельт, найденный в погребении Элэмэстээх (Чурапчинский наслег, Чурапчинский улус). По описанию автора раскопок А.И. Гоголева, он представлял собой тесло-топор с клинком в виде колуна и овальной втулкой, куда была вставлена Г-образная поперечная рукоять. По параметрам клинка и рукояти он походил на топор. Изделие находилось в восточной части гробницы, т.е. у ног костяка рядом с медным котелком. Похожими топорами якуты пользовались до 1930-х гг. в качестве своеобразного долота для выдалбливания отверстий столбов для изгороди [Гоголев, 1990: 85].

Таким образом, на территории Якутии случайно найдены 2 шпеньковых топора – высокообушный кильдямский и низкообушный абагинский. Плоскообушные топоры, найденные в погребениях, можно сгруппировать по четырем типам: тип 1 – топоры *чохороон* из шести погребений (Лёглю Бёгё, Шаманское дерево 1, Атыыр Мэйиитэ, Суор Бугдук, Аба Уос Дьорго, Тиит Ары); тип 2 – топоры с выступом из двух погребений (Ходуса Эбэ, Дьагарамма); тип 3 – широколезвийные топоры *тэрээк сюгэ* из двух погребений (Ампаардаах, Кус Чаарбыт); тип 4 – топоры с пропилом *эрбэх* из трех погребений (Чурбукулаах, Булгуннаах 1, Мунгур Юрэх) и случайная находка в местности Оргудах. Отдельный вид представляет втульчатый топор-кельт из погребения Элэмэстээх.

Топоры в погребениях располагались на уровне плеч – 1 случай, у ног – 6, возле седла – 3, в котелке – 2. Якуты в повседневной жизни носили топоры за поясом, в специальных чехлах из кожи или ткани, либо пристегивали к седлу.

IV. Обсуждение. В эпоху Средневековья боевые топоры-чеканы были широко распространены у племен Кавказа [Кочкарев, 2008], хазар, печенегов [Плетнева, 1967], волжских болгар [Измаилов, 1997], русских дружинников [Кирпичников, 1966], енисейских кыргызов [Худяков, 1980], алтайских тюрков [Илюшин, 2009], чжурчжэней [Деревянко, 1987; Медведев, 1977], монголов [Горелик, 2002], племен Западной Сибири [Соловьев, 1987; Зыков, Кошкарлов, Масленников, 2020].

По своей форме и параметрам кильдямский топор-чекан представляется нам более близким к топорам, найденным в археологических памятниках X–XI вв. в Туве (Азас I), южной части Красноярского края и на Алтае [Худяков, 1980: 63, табл. XII, 3,5; Илюшин, 2009: рис. 1]. Лезвие этих топоров узкой вытянутой формы, слегка скошенное в сторону рукояти и расширяющееся от проуха к острию, проушное отверстие овальное, чекан смещен в сторону рукояти. Боевые топоры относятся к категории редких археологических находок в памятниках степной и лесостепной зон Южной Сибири и Саяно-Алтая, ландшафт территорий которых предполагал дистанционный бой. По некоторым данным, узколезвийные «бронепойные» топоры применялись в ближнем бою для поражения противника, одетого в металлические доспехи. Заслуживает особого внимания тот факт, что находки фиксируются в воинских захоронениях с лошаадьми. Это позволяет предполагать, что боевые топоры как вид оружия использовались лишь военной аристократией и были достаточно ценными в местной среде [Илюшин, 2009].

Отличительной чертой абагинского шпенькового низкообушного топора 2-го типа можно считать клеймо в виде ромба, вдавленное на его полотне. По этнографическим материалам, якутские кузнецы издавна ставили на «щеке» топора свою тамгу¹. Клейма, выбитые на боковых гранях зубильцем, характерны для плоскообушных с прямоугольной проушиной топоров чжурчжэней Приамурья из Шайгинского городища [Шавкунов, 1993: 59–60, рис. 36, 3; рис. 37, фиг. 4]. Близкий к ним по форме абагинский чекан по своим метрическим параметрам и соответственно по весу намного превосходит шайгинские и обнаруживает большее сходство с низкообушными топорами XI–XII вв. н.э., найденными в Туве (Бий-Хем) и Минусине [Худяков, 1980: 62–63, табл. XII, 1,2, 4]. Такие же топоры встречаются в синхронных памятниках Кузнецкой котловины на Алтае, где фиксируется устойчивая традиция погребения по обряду кремации на стороне, характерная для аборигенного населения этого региона с V по XIV вв. н.э. [Илюшин, 2009: 97, рис. 5]. По некоторым данным, единичные экземпляры по-

¹Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 51. Л. 36.

добных топоров просуществовали у коренного населения Алтая и таежного Приенисея вплоть до середины XVIII в. [Скобелев, 2009: 235; рис. 1, 1]. В этой связи определенный интерес вызывает рассказ известного сказителя якутского эпоса олонхо А.С. Попова-Муотаана о том, что раньше у якутов были легкие топорики-чеканы на длинной рукояти. Они были удобны для рубки веток в пути, а молоточек использовался для починки снаряжения, также по необходимости служил оружием для самозащиты¹. В своем словаре Э.К. Пекарский приводит название старинного топора «дуктуй» [1959: 746]. Судя по смыслу глагола «дуктуруй» – замахиваться, угрожать чем-либо – он мог представлять собой боевое оружие. А.В. Смоляк сравнивает это название топора с названием колотушки в виде топора *дуктынги* орочнонов Нижнего Амура [Смоляк, 1984: 233].

По архивным документам XVII в., традиционные якутские плоскообушные топоры с узким симметричным прямым лезвием заметно отличались от русских и поэтому обозначались как «якутские» [См.: Зыков, 1989: 116]. Согласно описанию В.Л. Серошевского, топор *чохороон* «узок, в 2 ½ – 3, ровен, с тонким обухом, без бородки и обушной закраины, с прямым тонким острием», что «сильно сближает его с бронзовыми сибирскими топорами позднейшего периода» [Серошевский, 1993: 381]. По словарю Э.К. Пекарского, *чохороон*=*чохороон* – маленький топор, топорик [Пекарский, 1959: 3633]. В старину они были «еще уже и еще меньше; рубили ими, точно долотом долбили». Их было несколько видов и все с разными названиями [Серошевский, 1993: 381]. Например, *чокос* – топорок (меньше топорика), применялся для мелких поделок; *чокотчу*, *чокоччу*, *согоччу* (ср. тюрк. *чокуч* – молоток; русс. *чекуша*, *чекан*) – небольшой деревянный молоток [Пекарский, 1959: 3633]. Эти топорики, очевидно из-за узкого лезвия, иносказательно еще называли *киргил* (черный дятел), *тонгсогой* (дятел) [Там же: 1101, 2731].

А.И. Соловьев сравнивает этот тип плоскообушных топоров якутов с бойками 3-го типа из Западной Сибири [Соловьев, 1987: 97]. Однако, на наш взгляд, он по своим признакам и параметрам проявляет большее сходство с бойками 1-го типа [См. там же: 93, рис. 30, 1, 2], которые явля-

ются древнейшими и восходят к эпохе бронзы, оставаясь в раннее Средневековье в комплексе боевых средств кочевых народов. Из сопредельных с Якутией регионов топоры такой же архаичной формы найдены в надеждинском могильнике амурских чжурчжэней [Медведев, 1977: табл. XLVII]. Длина этих изделий 6,5–12 см при ширине лезвия 5–7 см и ширине обуха 4–5 см, т.е. метрические параметры аналогичны параметрам якутских топоров 1-го типа. Они находили весьма широкое применение в качестве боевого оружия, являясь одновременно хозяйственным, в первую очередь деревообрабатывающим инструментом. Такие топоры бытовали у нанайцев вплоть до этнографического времени [Там же: 137–138].

Плоскообушные топоры 1-го типа явились, очевидно, основой для формирования топоров типа 2-го, которые по размерам несколько превосходили первые. Их отличительной деталью является выступ в сторону топорика. Появление широколезвийных топоров 3-го типа *тэрээк сюгэ*, вероятно, связано, с одной стороны, с эволюцией местных традиций, а с другой – со знакомством с русскими образцами. В мифах в отношении к ним применяется термин «балта» [Попов В.Г., 2019: 110]. Известно, что в комплексе ударно-рубящего оружия казахов в XVIII – середине XIX вв. имелись боевые топоры «балта», которые занимали промежуточное положение между «бронейными» узколезвийными топорами «шакан» и секирами «айбалта» [Бобров, Сальников, 2015]. В то же время топоры такой же формы в качестве деревообрабатывающего инструмента имели распространение в Западной Сибири после прихода русских в XIV–XVII вв. 4-й тип проушных топоров с бородкой аналогичны бойкам 4-го и 5-го типов из Западной Сибири [Соловьев, 1987: 93, 94, рис. 33, 2, 3, 4] и, безусловно, относится к топорам русского образца. Особенностью топора этого типа из местности Оргудай Хангаласского улуса является зигзагообразный орнамент, представляющий собой горизонтальную рельефную полоску, к которой вершинами вверх расположены два равнобедренных треугольника высотой 3,5 см. Рисунок отдаленно напоминает орнамент мурьинского и нюрбинского бронзовых кельтов, найденных в разные годы в Якутии [Дьяконов, Бравина, 2015: 12–14].

¹Попов В.Г. Абагинский «томагавк» // Якутск вечерний. 2021. 19 ноября.

Самостоятельный вид представлен втульчатым топором-кельтом. Подобной формы тесла-топоры с «глаголевидными ручками» найдены при раскопке древнетюркских курганов в Туве [Кызласов, 1969: 21]. С.П. Нестеров не исключает возможности использования их в качестве оружия, исходя из факта, что многие тесла найдены вместе с набором вооружения в погребениях воинов [Нестеров, 1981]. Близкую к теслам форму имеет и якутская втульчатая мотыга *басымны*. В олонхо зафиксированы имена эпических богатырей Бысымны Баатыр и Басымнылаан Баатыр [Емельянов, 1980: 343].

Э.К. Пекарский, объясняя слово *сюгэ* (якут. топор) монгольского происхождения, придает ему не только значение бытового орудия, но и боевого оружия, близкого киргизскому *айбалту* [Пекарский, 1959: 2378]. В якутском эпосе олонхо слово «топор» присутствует в имени богатырей: Чохороон-дохсун бухатыыр (букв. Отважный богатырь Боевой Топорик), Сюгэ Бёгё, Сюгэ Буурай [Там же: 2378, 3633]. Любопытно отметить, что эпический персонаж Сюгэ Лонгсуора – отец тунгусского богатыря Арджамаана – живет на востоке в каменном доме [Емельянов, 1980: 223–225, 358].

В монографии Ф.Ф. Васильева приводится выдержка из текста боевой ритуальной песни, посвященной божеству войны Илбис, где наряду с другими предметами вооружения упоминается боевой топор *чөхөрөөн сюгэ* [Васильев, 1995: 162, 163]. В исторических рассказах и легендах упоминается узколезвийный боевой топор, применяемый специально обученными воинами в ближнем бою. В этом отношении примечательно предание, записанное известным фольклористом А.А. Саввиным в 1943 г., про родоначальника чериктейских якутов Борогонского (ныне Усть-Алданского) улуса Лага Батыра.

Его родовое поселение находилось в местности Ньэгэдэй. Лага Батыр славился как лучший стрелок из лука. Когда пришли русские, он отказался воевать против них: «Мы не в состоянии отразить военную силу русских (*нуучча ньыматын кыайбаппыт*), поэтому должны сдаваться». У него был боевой топорик *чохороон* с узким лезвием и длинной рукоятью, которым он искусно владел. Одряхлев, он стал по-

стоянно держать этот топорик при себе и даже спал, положив его рядом с собой. Однажды поздней осенью домочадцы увидели, что к ним с западной стороны усадьбы направляется человек богатырского сложения на высоком белом коне, одетый во все черное. Когда доложили об этом старику, то он быстро разделся и уселся посреди юрты. Держа топорик над головой, приказал накрыть его сверху шкурой жеребенка и сказал: «Он едет убивать меня». Человек вошел в дом и сказал: «Я – Ёндёк Батыр из Намской волости. Приехал убить тебя за предательство. Ты уговорил нас тогда отдаться русским. Приехал за это отомстить». На что Лага Батыр ответил: «Сынок мой, я нынче не в состоянии противостоять тебе. Можешь меня утопить, можешь в огонь бросить – как сам рассудишь». Ёндёк Батыр взял свое оружие *батыйа* и с размаха опустил его на голову старика. Пальма, попав на лезвие топора, разломилась на две части. Тут старик рывком поднялся на ноги, а его противник выскочил во двор. Старик пустился бегом за ним. Подбежали к речке Мыла (приток р. Алдан). Ёндёк Батыр перепрыгнул через речушку, и тут Лага Батыр, взяв за длинную рукоять свой топорик и вытянув руку наподобие натянутой веревки (*илиштин быа курдук уунан баран*), бросил ему вдогонку. Топорик попал в Ёндёк Батыра и рассек его мягкое место. Ёндёк Батыр, кое-как преодолев 20 км, добрался до местности Тэбик (ныне Дюпсунский наслег). И там отлеживался полмесяца, прежде чем отправиться обратно домой в Намскую волость¹.

В рассказе описано функциональное назначение топора как оружия ближнего боя, так и метательного оружия. Это дает основание считать, что топор входил в комплекс вооружения якутов.

Все погребения с топорами имеют богатый и разнообразный сопроводительный инвентарь. Из 15-ти погребений в 13-ти встречаются лук и колчан со стрелами. Пальма встречается 12 раз, копьё – 1 раз (погребение Суор Бугдука), нож – 5 раз. В семи погребениях найдены принадлежности конской сбруи: седла, стремяна, удила и подпружные пряжки. В восьми погребениях зафиксированы предметы, подчеркивающие вы-

¹Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп. 12. Д. 52. Л. 21–35.

сокий социальный статус погребенного (серебряный круг *туосахта* на шапке с рогами, массивная шейная гривна, кольца с печатками, кнут, нагайка), привозные вещи (шелковый платок, китайские чашки, бисер) и т.д. Все это подчеркивает элитное значение топора в жизни и культуре якутов. Универсальное значение топора как символа санкционированной небесными божествами власти родоплеменной знати наглядно иллюстрируется в якутском фразеологизме «Сюгэ-балта тыл – веское внушительное слово (букв. слово, как топор и молот)» [Нелунов, 2002: 145].

По мифологическим представлениям якутов Сээркээн Сэсэн – дед верховного божества Юрюнг Аар Тойона – обладал боевым молотом *балта*, которым мог насмерть оглушить любого богатыря [Попов В.Г., 2019: 110]. В пантеоне небесных божеств якутов и бурят присутствуют божества-громовники Сюгэ-тойон и Сухэ-нойон-тэнгэри (Топор-господин) [Дашиева, 2017: 30]. По всей вероятности, эти божества восходят к культуре индоевропейских богов-громовников, почитавшихся древними скотоводческими народами Евразии. Сюгэ-тойону приписывались очистительные и оберегательные функции. Вилюйские якуты «при первой весенней грозе трижды обходили снаружи юрту, стегая стены красной талинкой и приговаривая каждый раз: «Всякая нечисть отойди! ...Божественным огнем очищаю!» [Попов А.А., 1949: 271]. Лучинки из разбитого молнией дерева использовались в обряде очищения *арчы*. Особое значение придавалось так называемому *этинг сюгэтэ* – топору грома, представлявшему собой «маленький черный камень, по форме напоминающий топор. Тот топор, оказывается, находил счастливый человек, которому суждено жить благополучно. Топор грома в любых случаях мог служить, по рассказам, амулетом или лекарством» [Якутские мифы, 2004: 262]. Этот ряд представлений прослеживается и в погребальном обряде якутов: например, вечером после похорон на погреб клали топор острием наружу.

V. Заключение. Анализ морфологических особенностей топоров, относящихся к эпохе позднего Средневековья и Нового времени, зафиксированных на территории Якутии, позволяет выделить следующие их виды: шпеньковый, плоскообушный и втульчатый кельт-топор.

Первый вид имеет близкие аналоги в культуре средневековых чжурчженей Приамурья и в памятниках енисейских киргизов и алтайских тюрок Тувы, Минусинской и Кузнецкой котловин. На наш взгляд, эти случайные находки как по своей форме, так и по метрическим параметрам можно отнести к тем немногочисленным артефактам, которые свидетельствуют об эпизодических проникновениях средневековых тюрко-монгольских групп, в частности, енисейских кыргызов, в Ленский край. Проушные плоскообушные топоры отличаются типологическим многообразием. Типы 1 и 2 представляются нам традиционно якутскими, они проявляют морфологическое сходство с клиновидными узколезвийными топорами, которые восходят к эпохе бронзы, оставаясь в раннем Средневековье в комплексе боевых средств кочевых народов. Тип 3 занимает промежуточное положение между традиционными изделиями и русскими образцами клиновидных топоров с симметрично расширяющимся лезвием. Топоры 4-го типа с бородкой изготовлены местными кузнецами по русским образцам, появившимся в Якутии вместе с русскими первопроходцами в начале XVII в.

По всей вероятности, узколезвийный топор *чохороон* имел универсальное (боевое и рабочее) назначение. На это частично указывает длина рукояти топоров из якутских погребенных – 50–71 см, тогда как средняя длина рукояти рабочих топоров этнографического времени составляет 40–45 см. Следует отметить, что в Якутии русские боевые топоры и бердыши не получили распространения, как в других регионах Сибири и Дальнего Востока [Бобров, 2011: 306]. Успешным их конкурентом выступали якутские колюще-рубящие орудия *батас*, *батыйа* на длинном древке, значительно более легкие и компактные, что имело немаловажное значение при длительных переходах в таежных условиях. Вполне возможно, что у якутов некогда распространенные боевые топоры были вытеснены в дальнейшем этими более универсальными орудиями, которые входили в комплекс оружия ближнего боя.

Обнаружение топоров в погребениях именитых родоначальников с богатым сопроводительным инвентарем свидетельствует об их высоком статусе и элитном значении.

Сокращения

САИ – Свод археологических источников
MAFSO – Mission Archeologique Franfaise en Siberie Orientale

Список литературы:

Бобров Л.А. Русские бердыши и «топорки» из сибирских музеев и проблема применения длиннодревкового ударно-рубящего оружия в Сибири в XVII веке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2011. Т. 10. № 7. С. 300–307.

Бобров Л.А., Сальников А.В. Широколезвийные топоры «балта» из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6. Ч. 1. С. 29–35.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции XV–XIX вв. Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 217 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего Средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 192 с.

Гоголев З.В. Раскопки якутских могил XVII века // Труды Якутского филиала СО АН СССР. 1958. Вып. 1. С. 65–75.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Техника–молодежи, 2002. 84 с.

Дашиева Н.Б. Знак «топор» в мировоззрении древнего населения Забайкалья и традиционной культуре бурят конца XIX – начала XX вв. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 4. С. 19–30.

Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск: Наука, 1987. 225 с.

Дьяконов В.М., Бравина Р.И. Нюрбинский бронзовый кельт: к вопросу о культурных связях Якутии и сопредельных территорий в эпоху палеометалла // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4 (13). С. 12–15.

Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Масленников Е.Р. Типология средневековых топоров с севера Западной Сибири // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 74–84.

Зыков Ф.М. Традиционные орудия труда якутов XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1989. 141 с.

Измаилов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. / РАН, Дальневост. отд-ние, Сев.-Вост. науч. центр и др. Казань; Магадан, 1997. 213 с.

Илюшин А.М. Элитное оружие ближнего боя у средневекового населения Кузнецкой котловины (к вопросу об эволюции боевых топоров на северной периферии Саяно-Алтая) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2009. № 4/4 (64/4). С. 96–100.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. 1966. Вып. E1-36. 216 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 212 с.

Кочкарев У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: Таус, 2008. 176 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в Средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 214 с.

Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней: конец X–XI век. По материалам грунтовых могильников. Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.

Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: 1981. С. 168–172.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтовомаяцкая культура. М.: Наука, 1967. 200 с.

Попов А.А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сб. МАЭ. Т. 11. М.; Л.: Наука, 1949. С. 255–323.

Попов В.Г. Названия видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного исследования // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 1 (26). С. 106–116.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Ассоциация «Рос. политич. энцикл.», 1993. 736 с.

Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М.: Наука, 1984. 246 с.

Скобелев С.Г. Предметное содержание русских влияний на материальную культуру коренного населения Юга Приенисейского края в позднем Средневековье – начале Нового времени (по данным археологии) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 8. Вып. 3. Археология и этнография. 2009. С. 231–250.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Шавкунов Э.В. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток: «Дальнаука», 1993. 185 с.

Якутские мифы = Саха ёс-номохторо. Новосибирск: Наука, 2004. 460 с.

Crubézy E. MAFSO. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2004. Rapport Université Paul Sabatier (Toulouse), UMR 8555 du CNRS. Toulouse, 2004. 125 p.

Crubézy E. MAFSO–HUMAD. Peuplements Human et coévolution homme/milieu en Sibérie et dans la steppe euRAS Iatique au cours de l’holocène. Rapport Université Paul Sabatier Toulouse 32004. Toulouse, 2013. 298 p.

Словари:

Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. В 2 т. Т. 2: Л–Э. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2002. 420 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. В 3 т. Т. 1. 1280 стб.; Т. 2. 2508 стб.; Т. 3: 3858 стб. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

References:

Bobrov L.A. Russkie berdyshi i “toporki” iz sibirskikh muzeev i problema primeneniya dlinnodrevkovogo udarno-rubyashchego oruzhiya v sibiri v XVII veke [Russian berdyshs and “puffins” from Siberian museums and the problem of using long-handled shock-chopping weapons in Siberia in the 17th century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: history, philology]. 2011. Volume 10. № 7. Pp. 300–307. (In Russian)

Bobrov L.A., Sal’nikov A.V. Shirokolezviynye topory “balta” iz fondov omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. Istoricheskaya i sotsial’noobrazovatel’naya mysl’ [Broad-blade axes “balta” from the funds of the Omsk State Museum of History and Local Lore]. *Istoricheskaya i sotsial’noobrazovatel’naya mysl’* [Historical and social education thought]. 2015. Volume 7. № 6. Ч. 1. Pp. 29–35. (In Russian)

Bravina R.I., Popov V.V. Pogrebal’no-pominal’naya obryadnost’ yakutov: Pamyatniki i traditsii XV–XIX vv. [Funeral and memorial rites of the Yakuts: Monuments and traditions of the 15th – 19th centuries]. Novosibirsk: Science Publ., 2008. 296 p. (In Russian)

Crubézy E. MAFSO. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2004. *Rapport Université Paul Sabatier (Toulouse)*, UMR 8555 du CNRS. Toulouse, 2004. 125 p. (In English)

Crubézy E. MAFSO–HUMAD. Peuplements Human et coévolution homme/milieu en Sibérie et dans la steppe euRAS Iatique au cours de l’holocène. *Rapport Université Paul Sabatier Toulouse 32004*. Toulouse, 2013. 298 p. (In English)

Dashieva N.B. Znak “topor” v mirovozzrenii drevnego naseleniya Zabaykal’ya i traditsionnoy kul’ture buryat kontsa XIX – nachala XX vv. [Sign “axe” in the worldview of the ancient population of Transbaikalia and the traditional culture of the Buryats of the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul’tury* [Bulletin of the East Siberian State Institute of Culture]. 2017. № 4. Pp. 19–30. (In Russian)

Derevyanko E.I. *Ocherki voennogo dela plemen Priamur’ya* [Essays on the military affairs of the Amur tribes]. Novosibirsk: Science Publ., 1987. 225 p. (In Russian)

D’yakonov V.M., Bravina R.I. Nyurbinskiy bronzovyy kel’t: K voprosu o kul’turnykh svyazyakh Yakutii i sopredel’nykh territoriy v epokhu paleometalla. Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik [Nyurba Bronze Celt: On the Question of Cultural Relations of Yakutia and Adjacent Territories in the Paleometal Age]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2015. № 4 (13). Pp. 12–15. (In Russian)

Emel’yanov N.V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [Plots of the Yakut olonkho]. Moscow: Science Publ., 1980. 375 p. (In Russian)

Gogolev A.I. *Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii pozdnego srednevekov’ya (XIV–XVIII vv.)* [Archaeological monuments of Yakutia in the late Middle Ages (14th–18th centuries)]. Irkutsk: Publ. Irkut. un-ta, 1990. 192 p. (In Russian)

Gogolev Z.V. *Raskopki yakutskikh mogil XVII veka*. [Excavations of the Yakut graves of the 17th century]. *Trudy Yakutskogo filiala SO AN SSSR* [Branch of the USSR Academy of Sciences]. 1958. Release 1. Pp. 65–75. (In Russian)

Gorelik M.V. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie* [The armies of the Mongol-Tatars of the X–XIV centuries. Military art, equipment, weapons]. Moscow: Technique-Youth Publ., 2002. 84 p. (In Russian)

Ilyushin A.M. Elitnoe oruzhie blizhnego boya u srednevekovogo naseleniya Kuznetskoy kotloviny (k voprosu ob evolyutsii boevykh toporov na severnoy periferii Sayano-Altaya) [Elite melee weapons among the medieval population of the Kuznetsk Basin (to the question of the evolution of battle axes in the northern periphery of the Sayano-Altai)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya. Zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy*

[News of the Altai State University. Series: History, Political Science. Journal of Theoretical and Applied Research]. 2009. № 4/4 (64/4). Pp. 96–100. (In Russian)

Izmailov I.L. Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X–nachala XIII v. [Armament and military affairs of the population of the Volga Bulgaria in the 10th-beginning of the 13th centuries]. *Rossiyskaya akademiya nauk, Dal'nevostochnoe otdelenie, Severo-Vostochnyy nauchnyy tsentr i dr.* [Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, North-Eastern Scientific Center, etc]. Kazan; Magadan, 1997. 213 p. (In Russian)

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie eniseyskikh kyrgyzov VI–XII vv. [Armament of the Yenisei Kyrgyz 6th – 12th centuries]. Novosibirsk: Science Publ., 1980. 176 p. (In Russian)

Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie: Kop'ya, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteny IX–XIII vv. [Old Russian weapons: spears, sulits, battle axes, maces, flails of the 9th – 13th centuries]. *Svod arkhologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources]. 1966. Release E1-36. 216 p. (In Russian)

Kochkarev U.Yu. Vooruzhenie voynov Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ya VIII–XIV vv. (oruzhie blizhnego boya) [Armament of the warriors of the North-Western Ciscaucasia of the 8th-14th centuries. (melee weapon)]. Moscow: Taus Publ., 2008. 176 p. (In Russian)

Konstantinov I.V. Material'naya kul'tura yakutov XVIII veka (po materialam pogrebeniy) [Material culture of the Yakuts of the 18th century (based on burial materials)]. Yakutsk: Yakutknigoizdat Publ, 1971. 212 p. (In Russian)

Kyzlasov L.R. Istoriya Tuvy v Srednie veka [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow: Publ. of Moscow State University, 1969. 214 p. (In Russian)

Medvedev V.E. Kul'tura amurskikh chzhurchzheney: konets X–XI vek. Po materialam gruntovykh mogil'nikov [The culture of the Amur Jurchens: the end of the 10th – 11th centuries. According to the materials of soil burial grounds]. Novosibirsk: Science Publ., 1977. 224 p. (In Russian)

Nelunov A.G. Yakutsko-russkiy frazeologicheskii slovar'. V 2 t. T. 2: L–E [Yakut-Russian phraseological dictionary. In 2 vols. Volume 2: L–E]. Novosibirsk: Publ. of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Branch “Geo”, 2002. 420 p. (In Russian)

Nesterov S.P. Tesla drevnetyurkskogo vremeni v Yuzhnoy Sibiri. Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii [Tesla of the ancient Turkic period in Southern Siberia. Warfare of the ancient tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: 1981. Pp. 168–172. (In Russian)

Pekarskiy E.K. Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut Language]. In 3 volumes. Volume 1.

1280 stb.; Volume 2. 2508 stb.; Volume 3: 3858 stb. 2nd ed. Moscow: Publ. of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. (In Russian)

Pletneva S.A. Ot kocheviy k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura [From nomads to cities. Saltovo-Mayak culture]. Moscow: Science Publ., 1967. 200 p. (In Russian)

Popov A.A. Materialy po istorii religii yakutov byvshego Vilyuyskogo okruga [Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii imeni Petra Veluogo (Kunstkamera) Rossiyskoy akademii nauk* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences]. Volume 11. Moscow, Leningrad: Science Publ., 1949. P. 255–323. (In Russian)

Popov V.G. Nazvaniya vidov starinnogo yakutskogo nastupatel'nogo kholodnogo oruzhiya kak ob'ekta sravnitel'nogo issledovaniya [Names of types of ancient Yakut offensive edged weapons as an object of comparative research]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2019. № 1 (26). Pp. 106–116. (In Russian)

Seroshevskiy V.L. Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya [Yakuts. The experience of ethnographic research]. 2nd ed. Moscow: Association “Russian Political Encyclopedia”, 1993. 736 p. (In Russian)

Shavkunov E.V. Vooruzhenie chzhurchzheney XII–XIII vv. [Armament of the Jurchens of the 12th-13th centuries]. Vladivostok: “Dalnauka” Publ., 1993. 185 p. (In English)

Skobelev S.G. Predmetnoe sodержanie russkikh vliyaniy na material'nuyu kul'turu korennoho naseleeniya Yuga Prieniseyskogo kraya v pozdnem srednevekov'e – nachale novogo vremeni (po dannym arkhologii) [The subject content of Russian influences on the material culture of the indigenous population of the South of the Yenisei Territory in the late Middle Ages – at the beginning of the new time (according to archeology)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. Volume 8. Issue. 3. Archeology and Ethnography. 2009. Pp. 231–250. (In Russian)

Smolyak A.V. Traditsionnoe khozyaystvo i material'naya kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Etnogeneticheskiy aspekt [Traditional economy and material culture of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin. Ethnogenetic aspect]. Moscow: Science Publ., 1984. 246 p. (In Russian)

Solov'ev A.I. Voennoe delo korennoho naseleniya Zapadnoy Sibiri. Epokha Srednevekov'ya [Military affairs of the indigenous population of Western Siberia. The era of the Middle Ages]. Novosibirsk: Science Publ., 1987. 193 p. (In Russian)

Vasil'ev F.F. *Voennoe delo yakutov* [Military affairs of the Yakuts]. Yakutsk: Bichik Publ., 1995. 217 p. (In Russian)

Yakutskie mify = Sakha es-nomokhtoro [Yakut myths = Sakha yos-nomohtoro]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 460 p. (In Russian)

Zykov A.P., Koksharov S.F., Maslennikov E.R. *Tipologiya srednevekovykh toporov s severa Zapadny*

Sibiri [Typology of medieval axes from the North of Western Siberia]. *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2020. № 3 (50). Pp. 74–84. (In Russian)

Zykov F.M. *Traditsionnye orudiya truda yakutov XIX – nachala XX v.* [Traditional tools of labor of the Yakuts of the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Science Publ., 1989. 141 p. (In Russian)

R.I. Bravina

Axes of the Middle Ages and Modern Times of Yakutia: Typology and Interpretation

The scientific novelty of the proposed research lies in the absence of special works devoted to the study and analysis of the iron axes of Yakutia dating from the Middle Ages and Modern Ages. This is primarily due to the rarity of their finds in archaeological sites.

The aim of this study is to generalize and systematize of archaeological, ethnographic, folklore and linguistic information on the iron axes of Yakutia. Its *tasks* include consideration of morphological features, identification of species and types, search for analogues in adjacent regions, as well as an overview of their role and significance in the military, economic and mytho-religious spheres of life of the Yakuts.

The methods were generalization, analysis, systematic approach, as well as comparative historical and historical genetic methods.

Results. All the axes we are considering with the exception of one Celt axe belong to the eye axes: 2 types of chased axes and 4 types of flat-headed. Peg (pin) axes accidentally found on the territory of Central Yakutia have analogues in the culture of the medieval Jurchens of the Amur region in the materials of the monuments of the Yenisei Kirghiz and the Altai Turks of Tuva, the Minusinsk and Kuznetsk depressions. The main type of flat-headed axes shows morphological similarity with the axes of the Amur region and Western Siberia which date back to the Bronze Age. Chased axes, in all likelihood, were used as military weapons and flat-butted axes had a universal (combat and working) value which is confirmed by folklore data. The discovery of axes in burials mainly with rich accompanying inventory testifies to their high status and elite significance.

Keywords: Yakutia, Middle Ages, Modern Times, iron axes, typology, peg axe, flat headed axe, Celt axe